

Никита Бугаев Темное лесье

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никита Бугаев

ТЕМНОЛЕСЬЕ

<https://litres.ru/74024484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Темнолесье - аномальная зона, в которой оказывается главный герой в компании друзей. Уединенные городки, которых нет на современных картах, научные эксперименты и странные ритуалы, лес, который живет своей жизнью и скрывает ужасающие тайны. Простому парню предстоит погрузиться в давящую атмосферу аномальной зоны, полной загадок и своих законов. Разобраться, что происходит, и попытаться найти выход.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Никита Бугаев

Темнолесье

Глава 1

Ник открыл банку пива — шипение вырвавшегося газа показалось ему почти неприличным, и он посмотрел на Дейва. Водитель воздержался от комментариев, ограничившись гримасой, которая выражала его мнение яснее любых слов. Ник пожал плечами, сделал большой глоток — горьковатая жидкость обожгла горло и сразу подняла настроение, — и передал банку на заднее сиденье, где её с восторгом приняли Марк и Анна. Обхватив банку руками, они устроили шуточную перепалку, некое подобие перетягивания каната: пальцы скользили по мокрому металлу, Анна прижимала банку к груди, Марк тянул за донышко, и оба хохотали, пока в конце концов под торжествующий вопль пенный приз не перешёл в руки девушки. Она подняла банку над головой, как олимпийскую чашу, и сделала победный глоток, брызнув каплями на сиденье. — Народ, вы только не разлейте там ничего, — Дейв на секунду оторвался от дороги, перевёл взгляд на компанию на заднем сиденье. В его голосе слышалась усталая обречённость. — Потом останутся пятна и запах пива. Отец меня прибьёт, если я испоганю салон. — Ой, да не ссы

ты, Дейв, — Марк принял банку из рук Анны и отсалютовал водителю. — На обратном пути до Сиэтла будет куча автомоек. Если что не так — заедем и прочистим салон. — Ага, а платить за чистку салона ты будешь? — Дейв старался удержаться от начала конфликта. Всё же они ехали на отдых, и им придётся провести в одной палатке несколько дней. — На дорогу лучше смотри, — Марк по-идиотски улыбнулся и отпил пива. Старенький Cherokee XJ мерно урчал, его подвеска мягко обрабатывала неровности асфальта, но в поворотах кузов заметно кренился, напоминая, что возраст этого внедорожника измеряется уже не одной пятилеткой. Ржавые пятна на колёсных арках, чуть дребезжащее стекло водительской двери, запах бензина и пыли, въевшийся в обивку, — всё это создавало ощущение, что машина живёт своей, почти человеческой жизнью, помнящей не одну сотню миль. Сейчас она уверенно катилась по трассе, окружённой густыми зарослями хвойных лесов. Марблмаунт остался далеко позади. Станный, старый и отчасти захудалый городок стал последним оплотом цивилизации на пути к озеру Дьявола. Странностей в городке хватало, хоть Марк и списывал всё на отдалённость от больших городов; местные всё же смогли произвести на Ника неизгладимое впечатление. Больше всего его напугала официантка на заправке: узнав, куда они направляются, она сплюнула прямо на пол, долила им кофе и посоветовала разворачиваться и ехать обратно. Сейчас, рассматривая дорогу, Ник раздумывал о её странном поведе-

нии и, чтобы отвлечься, перевёл взгляд на деревья. Деревья плотно прилегали к дороге, и казалось, они составляли подобие стен, чтобы путник не решил съехать куда-нибудь в лесную чащу. Они словно отрезали все остальные пути, оставляя лишь тот, что вёл тебя вперёд по заранее заготовленному маршруту. Лишь иногда в лесной стене встречались редкие прорехи — наезженные грунтовые дороги, уходящие вглубь, во тьму под кронами. Куда они вели, Ник не знал, но, зная основной промысел местных, догадывался, что дороги ведут к лесозаготовительным фабрикам, и наверняка не все из них легальные. За окнами уже сгущались сумерки, и ветер, проникавший сквозь неплотно закрытое стекло, нёс с собой сырость и запах прелой хвои. Небо над трассой было низким, серым, обещающим дождь, который здесь, в предгорьях Каскадных гор, мог затянуться на несколько дней. Дорога петляла между холмами, и вдалеке, за очередным поворотом, Нику почудился отблеск воды — озеро Дьявола, их конечная цель, но видение тут же исчезло, оставив лишь давящее ощущение, что этот путь ведёт не к отдыху, а к чему-то другому.

Ник потрянул головой, удивляясь собственной тревожности. Сумерки за окном сгущались, и в этом сером, сыром воздухе чувствовалось что-то давящее, почти зловещее. Он открыл рюкзак, зажатый между ног, и извлёк ещё одну банку пива — холодный металл обжёг пальцы. Открыв её, он повернулся к сидящим на заднем сиденье и, увидев, что Николь наконец проснулась, тепло улыбнулся, протянул ей пи-

во. Девушка лишь слегка покачала головой, даже не взглянув на него, и отвернулась к окну, разглядывая мелькающие деревья. Её профиль — бледный, отстранённый — казался вырезанным из старой фотографии, где нет места ни теплу, ни надежде. Марк, воспользовавшись ситуацией, выхватил банку под торжествующий хохот Анны, разлив ещё пару капель пива на сиденье. Ник отвернулся и снова уставился на дорогу. Их отношения с Николь в последнее время становились только хуже, и он надеялся, что эта поездка поможет их наладить. Однако девушка продолжала оставаться неприступной — молчаливой, чужой, словно они сидели в разных машинах. Перспектива прожить с ней в палатке вдали от цивилизации ближайšie несколько дней отдавала черной иронией: двое, которые когда-то не могли оторваться друг от друга, теперь едва переносят присутствие друг друга. Ник представил, как они с Николь живут в запертой комнате, и его глупые попытки привнести былое тепло в их отношения. Сложно строить что-то с человеком, который игнорирует сам факт твоего существования. Ещё более тяжёлым ситуацию делало то, что поведение девушки было обоснованным. Он был виноват. И от осознания этой вины — глухой, въевшейся под кожу, — Ник снова нырнул рукой в рюкзак и достал очередную банку. Алкоголь никогда не помогал в сложных ситуациях; он лишь давал временную возможность игнорировать сложившиеся трудности, но не избавлял от них. Затуманивал разум, приглушал голоса, которые шептали: «Ты мог

поступить иначе». Он слегка улыбнулся — криво, одними уголками губ — и открыл банку. Сделав большой глоток, он смачно отрыгнул под одобряющий хохот с заднего сиденья. И в этот момент его собственная философия показалась ему чужой, надуманной. Такие размышления ему не свойственны, и он не станет в них углубляться. Они едут отдыхать на природу, в шикарное место, и он будет отдыхать, даже если отношения с Николь останутся на прежнем уровне или вовсе испортятся. Допив банку, Ник смял её — металл жалобно хрустнул — и, закинув в рюкзак, достал новую. Секунду подумав, он протянул её Дейву. Тот лишь покачал головой, сосредоточенно глядя на дорогу. Открыв банку, Ник снова протянул её другу, но, увидев отказ, слегка наклонил её. Капля пива сорвалась и упала на джинсы Дейва под заинтересованное улюлюканье с заднего сиденья. — Ты либо её выпьешь, либо я её вылью, — сказал Ник, чуть качнув банку. В его голосе слышалась лёгкая, почти мальчишеская игривость, которая так не вязалась с тяжестью, давящей на плечи. — Я за рулём, чтоб вас всех, — Дейв скривился и бросил взгляд в зеркало заднего вида. — Хотите, чтоб мы разбились? — Это всего лишь одна банка, дружище. Ничего с тобой не станет. — Ник посмотрел в лицо друга, которого знал уже семнадцать лет. В этом взгляде было что-то усталое, почти умоляющее. — Ладно. Только одну. — Дейв принял банку, сделал глоток — и задний ряд взорвался овациями. Даже сам водитель искренне улыбнулся, и в этом коротком,

почти детском ликовании было что-то вселяющее надежду на хороший отдых. Машина вошла в поворот. Дорога здесь была мокрой, асфальт блестел в свете фар, отражая чернеющее небо. Дейв сделал ещё один глоток — и вдруг выругался, выронив банку. Прохладное пиво выплеснулось ему на джинсы, банка упала рядом с педалью и, покатавшись, начала образовывать пенную лужицу под ногами. В панике Дейв попытался затолкать её ногой под сиденье, и машина слегка вильнула, едва не задев обочину, где сразу за кюветом началась чёрная стена леса.

Ник перевёл взгляд вперёд. Где-то в полукилометре от поворота, на ровном участке трассы, стояли две полицейские машины — их проблесковые маячки ещё не были включены, но сами автомобили застыли поперёк дороги, перекрывая движение. Из одной уже вышел человек в форме и встал по центру, прямо на разметке, глядя в их сторону. В наступающих сумерках его фигура казалась чужой, почти призрачной, а в воздухе, влажном и тяжёлом, повисло предчувствие будущих проблем.

Ник быстро перекинул рюкзак на заднее сиденье, нагнувшись, подобрал с пола мокрую, скользкую банку — она выскользнула из пальцев, ударилась о порог и покатилась обратно под ноги, — и всё же отправил её вслед за остатками пива. Машина постепенно сбавляла ход, и Cherokee, всхрапывая мотором, остановился в паре метров от стоящего на дороге полицейского. Дейв сделал судорожную серию вдо-

хов — грудь ходила ходуном, — наблюдая за приближением копа, и когда тот подошёл вплотную, опустил стекло. Пригнувшись, полицейский сделал движение ноздрями, словно принюхивался к запаху страха, и внимательно осмотрел Дейва и Ника. Его взгляд скользнул по пятнам на джинсах, по дрожащим пальцам на руле, по пустым банкам, мелькнувшим в темноте салона. Переведя взгляд на заднее сиденье, он увидел Анну, которая старалась казаться максимально нормальной: она выпрямила спину, сложила руки на коленях и замерла, взволнованно теребя лямку рюкзака — её пальцы двигались с лихорадочной быстротой, выдавая панику, которую она так отчаянно пыталась скрыть. — Куда держите путь, ребята? — Коп со скучающим, почти отстранённым выражением лица разглядывал пятна на джинсах Дейва. В его голосе не было ни угрозы, ни интереса — лишь усталая констатация факта, словно он видел такое сотни раз. — Мы едем к озеру Дьявола, сэр, — Дейв старался говорить спокойно и учтиво, но подрагивающие руки, которыми он вцепился в руль, выдавали его с потрохами. Ладони побелели, костяшки налились синевой. — Решили полюбоваться природными красотами? — Коп перевёл взгляд на рюкзак, который держала Анна, потом на растрёпанные волосы Марка, на пустую банку, закатившуюся под сиденье. — Вы все совершеннолетние? — Конечно, сэр. Мы все одного года рождения, и нам всем двадцать два года, — Ник интонацией выделил их возраст, и в его голосе прозвучала едва заметная нот-

ка вызова. Коп перевёл на него взгляд и словно что-то взвешивал в уме. Помолчав несколько секунд — тишина в салоне стала такой плотной, что было слышно, как бьются сердца, — он перевёл взгляд на загородившие проезд полицейские машины, откуда уже вышел ещё один сотрудник. Слегка прикусив губу, он посмотрел на Дейва, и его тон стал жёстче, почти металлическим: — Сегодня вашим планам не суждено осуществиться. Проезд сейчас невозможен. Мы вынужденно перекрыли движение по трассе, но думаю, уже завтра вы сможете тут проехать. Так что возвращайтесь-ка вы обратно в Марблмаунт и хорошенько поспите. — Говоря это, коп продолжал рассматривать пятна на джинсах Дейва, и в его взгляде не было осуждения — только равнодушие. — Надеюсь, у вас не возникнет проблем с обратным маршрутом? Или, может, мне нужно вас сопроводить? — Нет, что вы! Мы сейчас же отправимся в город! — Дейв не верил своей удаче. С этого дня, что бы ни случилось, он больше никогда не будет пить в машине. — Тогда всего доброго, — коп отошёл от машины, его силуэт застыл на обочине, и он наблюдал, как Cherokee тает в сумерках, пока автомобиль не скрылся за поворотом. Вздохнув, полицейский направился к своей машине, где его дожидался напарник. Усевшись на заднее сиденье, он снял ботинки — тяжёлые, на толстой подошве — и попытался лечь поудобнее. Но сиденье было узким, спинка упиралась в поясницу, а ремень с пристегнутой рацией давил в бок. — Ты чего там удумал? — Спереди сидящий

явно был недоволен поведением напарника. Он повернулся, опершись локтем о подголовник. — Я посплю пару часов, а ты подежурь. Потом поменяемся, — ответил тот, снова пытаясь устроиться: подогнул ноги, переложил бронежилет, но всё равно лежать было неудобно. — Знаю я твои пару часов... — полицейский на переднем сиденье открыл бутылку с водой, сделал глоток и пробурчал что-то неразборчивое, — Кто в машине-то был? Чего хотели? — А ты сам как думаешь? — Попытки устроиться поудобнее не принесли результата, и коп решил выместить недовольство на напарнике. — Смотри давай за дорогой. Приезжие должны тебя волновать в последнюю очередь.

Старенький Cherokee уверенно катился по трассе, освещая фарами влажный асфальт. В салоне повисла тишина — такая густая, что даже скрип ремней безопасности казался оглушительным. Планы были испорчены, и все это понимали. Если сейчас они вернутся в Марблмаунт, то переждут в нём ночь и на следующий день поедут обратно в Сидней. Ситуацию нужно было исправлять прямо сейчас, и Ник сверился с навигатором в надежде найти объездной путь. Но тот вёл себя странно: экран застыл, стрелка местоположения исчезла, и устройство показывало отсутствие сигнала. То же самое демонстрировал и телефон — ни одной полоски сети, ни одного намёка на связь. Если копы замыслили проводить какую-то операцию, то могли и связь заглушить в этом районе. А может, здесь просто не ловило — глухомань, горы, лес,

который нависал над дорогой, как чёрная стена. Немного подумав, Ник открыл бардачок и, немного покопавшись в ворохе старых чеков, салфеток и прочего хлама, нашёл то, что искал. Дейв краем глаза следил за его действиями, ожидая продолжения. Ник развернул большую старую карту — пожелтевшую, истрёпанную на сгибах — и уложил её на колени, начав пристально изучать. Увидев всё, что хотел, он повернулся к Дейву. — Нахер иди, — Дейв даже не дал ему открыть рот. В его голосе слышалась глухая, накипающая злоба. — Я уже понял, чего ты хочешь. Мы едем обратно в этот стремный город, а затем возвращаемся в Сиэтл. Судьба дала нам шанс, надо этим пользоваться. — Вот именно, друг. Судьба дала нам шанс, — Ник уже продумал дальнейший план разговора. — А ты не думал, почему этот коп так легко нас отпустил? Я думаю, он не может уйти оттуда, зато может отправить нас обратно в город, где на въезде уже будет ждать шериф. — Шериф? — Дейв снова занервничал. Его пальцы вцепились в руль так, что побелели костяшки. — Именно. Сам подумай: ему ведь только в радость хлопнуть такую лёгкую добычу. Премия за отличную работу сама себя не получит, а тут как раз мы подвернулись. — Ник говорил быстро, убедительно, и в его голосе сквозила уверенность, которой он сам не чувствовал. — Что ты предлагаешь? — Дейв уже видел, как шериф набирает номер его отца, чтобы сообщить о происшествии на трассе. В голове пронеслась картинка: телефонный звонок, гудки, и строгий, холодный голос — «Ваш

сын в участке». — Тут на карте есть съезд. Проедем через чащу к городку под названием Рокмаунт. Пересидим там ночь, а утром, если всё спокойно, двинемся обратно к озеру, благо оно не так далеко от города. — Мы двинемся оттуда прямоком в Сиэтл, Ник. Не стоит испытывать терпение местных копов, — Дейв оставался непреклонен, но в его глазах уже застыла тень сомнения. — Давай обсуждать это утром, хорошо? Сейчас у тебя стресс, это можно понять, но мы всё исправим, — Ник попытался говорить ободряюще, но его тон лишь вызвал обратную реакцию. — Иди ты в жопу, Ник. Эту чертову банку пива я тебе никогда не прощу, — голос Дейва дрогнул, и в нём слышалась не столько злость, сколько отчаяние человека, который понимает, что контроль ускользает. — Давай уже доедем до съезда, — Ник устало выдохнул и протянул Дейву карту. — Странно, не помню, чтобы там была какая-то дорога, — Дейв внимательно разглядывал карту, вспоминая окрестности их маршрута. Но съезд оказался на месте, хоть Дейв и клялся, что когда они ехали туда, его тут не было. Свернув на грунтовую дорогу, он включил дальний свет. Кроны высоких деревьев тесно сплетались, укрывая всё под собой от свечения луны, которая потихоньку выползала на небосвод. Ветви нависали над капотом, как чьи-то костлявые пальцы, и в жёлтом свете фар они отбрасывали причудливые, шевелящиеся тени. Земля под колёсами стала мягкой, податливой — Cherokee зарылся в грязь, но вытянул. — Странно, вроде дорога должна заворачивать направо,

— Дейв разглядывал приближающийся поворот налево. —
Этой карте лет-то сколько? Видимо, многое уже изменилось,
— Ник повернулся к пассажирам на заднем сиденье. — Чего
притихли?

— Стремно здесь, — Марк высказался за всех. Его голос
прозвучал глухо, и салон снова погрузился в молчание. До-
рога была ухабистой — колёса то и дело проваливались в
ямы, подвеска жалобно скрипела, — но Cherokee отлично с
ней справлялся. Постепенно дорога стала более обкатанной,
и Дейв наконец перестал беспокоиться о подвеске. Вскоре
лес внезапно начал редеть, а впереди виднелась поляна. Све-
рившись с картой, Ник окончательно убедился в том, что они
заблудились, и уже хотел попросить Дейва развернуться, ко-
гда внезапно увидел впереди группу идущих им навстречу
людей. — Это что ещё за хрень? — Дейв обладал более ост-
рым зрением и смог разглядеть, что приближающиеся бы-
ли одеты в странные костюмы, напоминающие те, что носят
учёные и те, кто работает на радиоактивных объектах. Бе-
лые, блестящие комбинезоны, маски, закрывающие лица, —
в свете фар они казались пришельцами из другого мира. —
Ты главное не тормози, — Ник наконец разглядел прибли-
жающуюся группу и заметил то, что ему очень не понрави-
лось. — Я серьёзно, Дейв, не вздумай тормозить! — Что у
вас там происходит? — Николь выглянула из-за сиденья и
увидела группу людей. Один из них отделился, встал по сере-
дине дороги и, вскинув автомат, дал очередь по машине. Пу-

ли ударили в лобовое стекло — оно покрылось паутиной трещин, в салон ворвался холодный воздух, и осколки посыпались на приборную панель. Машина дёрнулась, набрала скорость. Отойдя от шока, Ник повернулся к Дейву и вскрикнул. Его друг со всей силы пытался сдавить себе шею, из-под ладони толчками выплёскивалась тёмная, густая кровь. Она заливала рубашку, капала на джинсы, смешиваясь с пролитым пивом. Машина пронеслась мимо человека с оружием и, подскочив на кочке, вильнула. Ник схватился за руль — ободок был скользким от крови. Рука Дейва соскользнула, и кровь из раны на шее брызнула на руль, на лицо Ника, на лобовое стекло. Анна закричала на заднем сиденье — высокий, истеричный вопль, перекрывший рёв мотора. Марк быстро сориентировался: схватил голову Дейва, прижал к сиденью и другой рукой зажал его рану, вдавливая пальцы в разорванную плоть, пытаясь остановить кровотечение. — Педаль в пол! — Марк сорвался на крик, он явно был близок к истерике. Ник нажал своей ногой на педаль газа, в которую всё ещё упиралась нога Дейва, и свободной рукой переключил передачу. Рычаг вошёл в положение с характерным металлическим лязгом, коробка передач взвыла, но машина, дёрнувшись, продолжила набирать скорость. В этот момент в заднее стекло ворвалось ещё несколько пуль — задняя дверь задребезжала, пластик разлетелся осколками — чудом никого не задев. Не разбирая дороги, Ник отправил машину через поляну, не отводя взгляда от Дейва, который хрипел и пы-

тался вырваться из хватки Марка. Его глаза закатились, лицо стало серым, восковым. — За дорогой, блять, смотри! — Марк увидел что-то впереди, и Ник, переведя взгляд, увидел, что машина несётся прямо к обрыву. Дёрнув руль, он попытался развернуть машину, но земля под колёсами оказалась влажной, жирной от грязи. Cherokee не слушался — колёса скользили, не находя сцепления, и машина, не вписавшись в поворот, слетела с края обрыва. Внутри салона всё смешалось: крики, лязг металла, треск пластика. Ремни безопасности впились в тела, перекрывая дыхание. Машина перевернулась раз, потом другой, заскользила по склону, подпрыгивая на корнях и камнях. В стекла били ветки, из-под колёс летели комья земли и грязи. Наконец, глухой удар — и Cherokee рухнул на крышу, вмяв её в мягкую лесную подстилку на дне оврага. Повисла тишина, нарушаемая лишь шипением вырывающегося из радиатора пара и каплями крови, падающими с разбитого лобового стекла на перевернутый потолок.

Ник несколько раз дёрнул головой, в глазах двоилось, щека горела огнём — порез от осколка стекла саднил, и клейкая кровь медленно стекала по подбородку. Как только зрение пришло в норму, он повернул голову в сторону Дейва и увидел, что тот висит вниз головой. Ремень безопасности удержал тело, но голова и плечи безвольно свисали к потолку, который стал полом. Кровь из раны на шее уже не текла так сильно — лишь толчками выплёскивалась из разорванной

сонной артерии, заливая воротник рубашки, стекая по груди и капая на крышу машины, смешиваясь с осколками стекла. Глаза Дейва остекленели, зрачки застыли, руки безвольно обвисли, кончики пальцев касались металла, оставляя на нём кровавые разводы. Ник подавил подступающий приступ истерики — горло сжалось, в груди закипел ком, — и повернулся к заднему сиденью. Увидев, что пассажиры живы — Николь пыталась отстегнуть заклинивший ремень, Марк матерился, Анна была без сознания, — он смахнул рукой наворачнувшиеся слёзы и отстегнул ремень безопасности. Упав плечом в осколки лобового стекла, он застонал: острые края впились в кожу, но боль была тупой, почти нереальной. Он подполз к Николь, но девушка отмахнулась — резко, почти брезгливо — и продолжила возиться с ремнём. Повернувшись к Марку, Ник сразу же получил удар по лицу. Кулак врезался в скулу, голова дёрнулась, в глазах вспыхнули искры. — Ты, блять, в этом виноват! — Марк готов был сорваться, но злость взяла верх. Его лицо исказилось гримасой ненависти, губы дрожали. — Зачем мы поехали на это сраное озеро! — Марк, я... — слова застряли в горле, и Ник, почувствовав жжение в области глаз — слёзы смешались с потом и кровью, — выполз из машины. Он упал на колени, уткнулся лицом в ладони и зарыдал — глухо, надрывно, всем телом, сотрясаясь от беззвучных всхлипов. Марк и Николь освободились одновременно. Девушка выбралась из салона, шатаясь, прислонилась к перевернутой машине, за-

крыла глаза и замерла, лишь кровь из разбитого носа текла по её губам и падала на землю. Она не плакала, не кричала — только тяжело дышала, и в этом спокойствии было что-то жуткое. Марк отстегнул ремень Анны и вытащил бессознательную девушку из перевёрнутого автомобиля, осторожно опустил на траву. На лбу у неё зиял глубокий порез — кожа была разорвана, виднелась белая кость, кровь заливала лицо, смешиваясь со слезами, которые текли в беспамятстве. Вернувшись в салон, Марк с трудом нашёл аптечку — она закатилась под заднее сиденье, и он выудил её, обдирая пальцы о торчащие острые края пластика. Достав аммиачные ингаляторы, он раздавил один, поднёс к носу Анны и — девушка подскочила, резко открыв глаза, судорожно глотнула воздух, закашлялась, и сразу же по её щекам потекли слёзы, смешанные с кровью. — Что будем делать? — Николь обошла машину, её движения были медленными, почти сомнамбулическими, и остановилась рядом с Марком, к которому прижалась рыдающая Анна. — Обрато пойдём. Выйдем к лесу и пойдём рядом с дорогой, выйдем на трассу и вернёмся к копам, — Марк считал этот план самым разумным в данных обстоятельствах. — А как же Дейв? — Анна на миг отстранилась, её глаза, красные, опухшие, смотрели на перевёрнутый Cherokee. — Мы что, просто бросим его здесь? — Мы... — Марк сделал глубокий вдох, грудная клетка ходила ходуном. — Мы уже ничем ему не поможем. Нужно позаботиться о себе. Расскажем копам, что случилось. Может, они там всё

перекрыли как раз из-за этих уродов. — Кто были те люди? Почему стреляли в нас? — Николь выглядела единственной, кто сохранял спокойствие, но её голос был пустым, лишённым интонаций. — Да откуда, блять, мне знать? — Марк сорвался, но быстро взял себя в руки, выдохнул и уже тише добавил: — Нам надо вернуться на трассу. Так что давайте, пошли. Эй! Ник никак не отреагировал на обращение Марка. Чувство вины и невосполнимой утраты разрывало его изнутри, слёзы капали на влажную землю, впитываясь в чёрную, маслянистую грязь. Подняв голову, он увидел, что дно оврага усеяно травой и корнями деревьев — толстыми, узловатыми, они тянулись из стен, обвивая камни. Самих деревьев здесь не было.

На мгновение ему показалось, что один из корней слегка придвинулся к нему — скользнул, как змея, и замер. Ник заморгал, затряс головой, но видение не повторилось. С трудом поднявшись — колено пульсировало болью, нога отказывалась слушаться, — он повернулся к остальным. Марк уже понемногу начал подъём по склону, Анна держалась позади него, цепляясь за его руку, а Николь смотрела прямо на Ника. Её взгляд был красноречивее любых слов — в нём застыли презрение, боль и холодное, ледяное осуждение. Ника снова сжало чувство вины, он вдохнул поглубже, пытаюсь унять дрожь, и начал подъём. Выбравшись на поляну, Ник осмотрелся, ожидая увидеть людей, которые в них стреляли, — но вокруг никого не было. Лес возвышался перед

ними огромной чёрной стеной, через которую им предстояло пройти, чтобы вернуться обратно к трассе. Ветви деревьев переплетались так плотно, что луна не могла пробиться сквозь этот живой потолок. Не сговариваясь, они синхронно двинулись в сторону леса и отыскивали дорогу, по которой выехали на поляну. Остановившись, Ник обернулся в сторону обрыва и снова подумал о корнях, усеявших его дно. Образ шевелящегося корня засел в его голове, и он ожидал увидеть нечто ужасающее — но ничего не происходило. Только ветер шелестел в листве, и тьма, казалось, сгущалась за спиной. Он поспешил догнать друзей, уже углубившихся в лес. Группа пробиралась по лесной чаще, держась на удалении от дороги, но так, чтобы не терять её из виду. Ветки хлестали по лицам, ноги то и дело проваливались в ямы, покрытые прелой листвой. В какой-то момент Анна достала телефон и, увидев, что он всё ещё работает, включила фонарь. Марк выхватил устройство, отключил его и выругался на девушку, но голос его прозвучал приглушённо, словно лес поглощал звуки. Лес тем временем жил своей жизнью, не обращая внимания на наглых визитёров. Ветер колыхал ветви деревьев, создавая шум, который помогал группе неумелых туристов — но лишь частично. Выросшие в городе, они не умели ходить по лесу. Каждый их шаг сопровождался треском ломающихся сучьев, шорохом листьев и глухими ударами о корни. Лес стонал под их ногами, но равнодушно прощал эту неповоротливость. Дойдя до поворота, компания немно-

го повеселела: ещё немного — и они выйдут к трассе. Николь даже позволила себе слегка улыбнуться — уголки губ дрогнули в первый раз за ночь, — когда свет от фонаря ударил по глазам. — Стоять! — Говорящего не удавалось разглядеть — глаза болели от направленного на них яркого луча, резина и пластик фонаря тускло поблёскивали в темноте. — Это вы были в машине? — Послушайте, нам нужна помощь, наш друг погиб! — Николь сделала неуверенный шаг вперёд, её голос дрогнул. Услышав сбоку слабый треск ветки, она поняла, что тот, кто светил фонарём, был не один. — Я сказал: стоять! — Голос стал жёстче, в нём зазвенела сталь. — Послушайте... — Николь сделала ещё один шаг, и живот обожгло тупой, но сильной болью. Она глухо вскрикнула, развернулась к друзьям — и тут же прозвучал ещё один выстрел, сухой и какой-то неестественно громкий, с металлическим призвуком. Удар пришёлся в спину, девушка завалилась на землю, не успев даже вскрикнуть. Марк истошно закричал, схватил Анну за руку и резко бросился в чащу леса, ломая ветки, не разбирая дороги. Увидев, что луч фонаря последовал за ними, Ник разглядел стрелявшего — неясный силуэт в чёрном — и с разбегу влетел в него, повалив на землю. Они покатались по мху, Ник услышал, как выпало оружие, и рванул в сторону. Сбоку послышался шум — кто-то бежал следом, — он перекатился, резко поднялся и бросился в лес, пытаясь догнать друзей. Собственное сердце билось в груди, казалось, с той же силой, с какой пули

били по стволам деревьев — сухие, резкие удары, похожие на хлопки мокрой тряпки. Лёгкие горели, во рту пересохло, однако Ник бежал, не сбавляя темпа, уворачиваясь от веток, перепрыгивая через корни.

В какой-то момент он понял, что больше не слышит выстрелов и попаданий по деревьям. Друзей он давно потерял из виду и бежал уже не разбирая дороги. Не заметив в темноте торчащие из земли корни, он зацепился ногой — и упал, больно ударившись коленом о камень. Удар на мгновение выбил воздух из лёгких, в глазах потемнело, но это чувство быстро отпустило. Виски пульсировали от бешеного ритма сердца, лоб заливал пот, смешанный с грязью. Ник поднялся, опираясь на руки, и попытался сделать шаг — нога подкосилась, острая боль пронзила колено, и он снова упал. Сидя на земле, он пытался отдышаться и увидел вдалеке огонь — оранжевое, мерцающее пятно среди чёрных стволов. Пытаясь понять, кто мог разжечь костёр в чаще леса, он пришёл к выводу, что других вариантов у него всё равно нет — нужно узнать, что там происходит. В глубине души он надеялся, что это Марк развёл огонь, хоть и знал, что тот костёр не сможет разжечь даже с жидкостью для розжига. Хромая, он побрёл к источнику света и, приблизившись, рассмотрел факел, примотанный верёвкой к стволу дерева. Пламя чадило, дым поднимался вверх, смешиваясь с ночным туманом. Подойдя вплотную, он пытался понять, что это означает, осмотрелся по сторонам, изучил землю возле дерева.

Вокруг никого не было, следы на земле отсутствовали — лишь прелая листва и мох. Простояв так несколько минут, он решился снять факел с импровизированного держателя и, обернувшись, столкнулся с человеком. Лицо незнакомца невозможно было разобрать из-за большого слоя грязи, которым он был измазан — чёрная, маслянистая грязь скрывала черты, а из неё торчали кусочки веточек, сухая трава и мелкие листья. Встреть Ник такого днём посреди города, он мог бы счесть его внешний вид забавным — но не здесь, не сейчас. Ник собирался открыть рот, но незнакомец с силой ударил его в скулу — голова мотнулась, и он повалился на землю. В глазах всё поплыло, сознание помутилось, но он не потерял его. Ник почувствовал, как его ноги обвязывают грубой верёвкой, и попытался встать, но в грудь ему упёрлось что-то острое. Он увидел ещё одного незнакомца с такой же грязевой маской на лице — в его руках была толстая палка, заточенный конец которой упирался ему в грудь, слегка продавливая кожу. Закончив перевязывать ноги, первый незнакомец ухватился за верёвку и поволок Ника за собой. Ник старался не обращать внимания на боль в спине. Майка протерлась до дыр и пропиталась кровью от ссадин, которые он получил, пока его волокли по земле, где в изобилии были разбросаны мелкие острые камушки. Услышав впереди знакомый голос, он поднял голову и увидел Анну, стоящую на коленях в окружении незнакомцев с грязевыми масками на лицах. Ника приволокли прямо к девушке, и он, просле-

див за её взглядом, чуть не потерял сознание от переизбытка чувств. Руки Марка были заведены за спину и привязаны к дереву так, что он плотно прилегал спиной к стволу. Его майка была залита кровью — тёмной, уже подсыхающей, — а во рту отсутствовали передние зубы. Лицо представляло собой сплошной кровоподтёк: разбитая губа, рассечённая бровь, один глаз заплыл и не открывался. Незнакомцы окружили Ника, подняли его и прижали к соседнему дереву, обвязав верёвкой его руки вокруг ствола. Анна смотрела на него покрасневшими глазами — слёзы текли не переставая, заливая щёки, подбородок, капая на землю. Она открывала рот в попытках что-то сказать, но не могла издать ни звука — только беззвучно шевелила губами, и этот безмолвный крик был страшнее любого вопля. Один из знакомцев достал заострённый камень — серый, с неровными краями, явно обработанный для одной цели — и, показав его всем присутствующим, подошёл к Марку. Тот поднял голову и посмотрел на Ника. На его лице не было ненависти — только глубокая, безысходная усталость. — Ты... виноват... — Марк не смог договорить. Заострённый камень вонзился ему в живот — незнакомец нажал, провернул, сделал надрез. Кровь хлынула по майке, быстро пропитывая джинсы и стекая на землю, впитываясь в мох. Марк закричал — и в этот же миг закричала Анна, её голос сорвался на хрип, она забилась в руках державших её, но не могла вырваться.

Незнакомец измазал пальцы в крови Марка и, подойдя

к Анне, нарисовал несколько символов у неё на лбу, затем на щеках — линии и закорючки, складывающиеся в нечитаемый узор. Отойдя, он полюбовался своей работой, затем отвернулся и пошёл в глубь леса. Оставшиеся схватили девушку за руки и поволокли следом. Ник смотрел на всё это, не веря в реальность происходящего. Когда вдалеке затихли крики Анны, лес погрузился в тишину, прерываемую только бешеным стуком сердца Ника. Когда перестал кричать Марк, он не помнил — время потеряло смысл. Ник продолжал смотреть в одну точку, боясь повернуться к другу. Постепенно ему начало казаться, что тишину леса начали разбавлять отдалённые шёпоты — неразборчивые, шипящие, будто множество голосов говорило одновременно, не повышая тона, и эти звуки ползли по коже, заставляя волосы на затылке шевелиться. Не выдержав такой нагрузки — физической и психологической, — Ник потерял сознание. Голова упала на грудь, тело обмякло, и тьма поглотила его.

Глава 2

Свет солнца стал невыносимо ярким. Кроха зажмурился — и сквозь веки пробился оранжево-красный жар, словно кто-то приставил раскалённую монету к самым зрачкам. Глаза защипало, слёзы выступили сами собой, покатались по щекам, оставляя солёные дорожки. Он стиснул зубы так, что заныла челюсть, и терпел фокусируя взгляд на солнце через щели ресниц, не открывая глаз, пока в голове не начало пульсировать и в конце концов он сдался. Уолтер всё время говорил, что ему не хватает выдержки, и Кроха старался тренироваться усерднее. Сегодня он смог смотреть на солнце на несколько секунд дольше, чем вчера. Глаза жгли и слезились, но результат стоил потраченных усилий. Проморгавшись, прогоняя багровые пятна, он искоса посмотрел на пылающий диск и пригрозил ему кулаком. Завтра они встретятся снова. Завтра он сможет выдержать ещё на несколько секунд дольше, и однажды он поднимет глаза к светилу и даже не сощурится. Тогда-то старый Уолтер не сможет упрекнуть его в отсутствии выдержки, чтобы это ни означало. В глубине души Кроха не совсем понимал, что имел в виду старик. Выдержка — это терпеть боль, не отводить взгляд, не сдаваться. Но зачем смотреть на солнце? Зачем мучить глаза? Он думал, что тренирует силу воли, но на самом деле просто повторял чьи-то бессмысленные указания. Уолтер говорил

странно, часто загадками, и Кроха боялся признаться, что многого не понимает. Вместо этого он улыбнулся, представляя удивлённое лицо старика, и тут же звонкая затрещина прилетела в затылок, едва не сбив его с ног. — Хватит мечтать, ищи грибы! — Сальма сплюнула ему под ноги, пробормотала что-то невнятное и двинулась дальше, в сторону поляны. Кроха хотел плюнуть ей вслед, но вспомнил, что про неё говорили остальные. Сальма наверняка была ведьмой, владела тёмной магией и сильно дружила с лесом. Пользуясь всем, что в нём находила, она исцеляла различные болезни. Нельзя плевать в спину ведьме, особенно той, что дружит с лесом. Он не знал, что именно делало её ведьмой — то ли травы, которые она собирала, то ли взгляд, которым она пронзала насквозь, то ли то, что лес её не трогал. Другие боялись леса, а Сальма ходила по нему как по собственному дому. Кроха сам не понимал, почему боится её, но страх жил где-то под рёбрами, сворачивался клубком, когда она смотрела на него. Подобрал корзинку, он заглянул на пустующее дно, вздохнул и пошёл вслед за ведьмой. Он любил представлять, как однажды поймает её за колдовством. Может, случайно увидит, как она проводит странный ритуал у старого пня, или приносит лесу жертвоприношение — окровавленную тряпку, мёртвую птицу, что-то такое, от чего волосы встают дыбом. Если такое случится, он обязательно позовёт всех, покажет следы ужасающей деятельности. Но что будет дальше? Жители поселения не любили Сальму, но лес при-

нял её, и она многое умела. Она была полезна. Если они прогонят её, кто будет всех лечить? Кто найдёт нужные травы, когда кто-то заболит? Мысль о том, чтобы уличить ведьму, уже не казалась такой хорошей. Кроха нахмурился — выставить её колдуньей означало лишиться её умений. А это было глупо. Но и терпеть её насмешки тоже не хотелось. Так и не решив для себя, хороший это поступок или плохой, он не заметил, как поляна кончилась. Остановившись, он поднял глаза кверху — к самым верхушкам деревьев — и невольно шагнул назад. Лес был величественен. Огромные стволы уходили ввысь, переплетаясь ветвями в плотный полог, сквозь который едва пробивались лучи полуденного солнца, из-за чего на землю ложился вечный зеленоватый сумрак. Тишина стояла такая, что в ушах начинало звенеть. Ни птиц, ни стрекота насекомых, ни шороха мелких зверьков. Только ветер — единственный источник шума — гулял в кронах, заставляя листья шелестеть, и этот шелест был почти неживым, механическим, словно лес дышал через силу. Ветер был единственным, кто мог нарушить покой. Остальные обитатели леса старались не издавать лишних звуков, не заявлять о своём присутствии. Кошмары заполняли лес только ночью, но днём он тоже не был безопасен. Кроха вглядывался в глубь, и ему начало казаться, что он разглядел движение — словно кто-то выглянул из-за ствола дерева, лишь на секунду, и тут же спрятался. Он повернулся к Сальме, чтобы поделиться опасениями, и тут же получил подзатыльник.

— Не зевай. Лес не любит, когда к нему относятся неуважительно. Сосредоточься. Сколько можно тебя учить? — Сальма была крайне недовольна. — Ты мне не нравишься. Ты никому не нравишься! — Кроха сжал ручку корзинки обеими руками, словно это могло придать ему сил. Его голос дрогнул, но он старался звучать твёрдо. — Хм... — Сальма оценивающе посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на усмешку. — Правду тебе скажет лишь идиот и ребёнок... — Отвернувшись, она посмотрела в глубь леса, словно что-то искала. Простояв так минуту, она снова повернулась к Крохе. — Вот что: раз я тебе не нравлюсь, мы разделимся. Ты пойдёшь прямо, а я пойду направо. Тебе ведь хватит храбрости зайти в лес в одиночку? Она сказала это так, будто сомневалась в нём. Будто знала, что он испугается. — Я храбрый! — Кроха выпятил грудь вперёд, сильнее сжал корзинку и почувствовал, как сердце забилось быстрее. — Отлично. — Сальма довольно улыбнулась, и в этой улыбке было что-то пугающее. — Значит, мы устроим соревнование. Если я соберу больше грибов, чем ты, то ты всю следующую неделю будешь делать абсолютно всё, что я скажу. Идёт? Кроха сглотнул. Делать всё, что скажет ведьма? Это звучало страшно. Но отступить было поздно. — А если я соберу больше? Сальма ехидно улыбнулась, услышав это. — Тогда я... — она не успела закончить. — Ты всем расскажешь, что я храбрый и ходил по лесу один! — Кроха чуть подпрыгнул на месте, предвкушая удивление на лицах

остальных. Мало кто из них выходил в лес в одиночку. — Ты ведьма, тебе поверят! Улыбка Сальмы поблекла, словно кто-то стёр её влажной тряпкой. Она слегка кивнула и долго всматривалась в глаза Крохи — так, будто искала там что-то важное, но не нашла. Вздохнув, она отвернулась и пошла в свою сторону, не сказав больше ни слова. Кроха долго пытался понять, почему её взгляд казался ему очень грустным. Может, ей было жаль, что он так легко согласился? Или она знала, что он проиграет? Он отбросил эту мысль, повернулся к лесу. Всматриваться в глубь он не стал — только бегло окинул взглядом стволы деревьев и медленно побрёл вперёд, стараясь не думать о том, что ведьма, возможно, только что обрекла его на нечто худшее, чем сбор грибов.

Кроха уже не меньше десяти минут аккуратно передвигался по протоптанной тропинке. Земля была лишь слегка притоптана — кроме него и Сальмы мало кто бывал в этой части леса. Местные старались ходить только проверенными маршрутами, но таких становилось всё меньше. Благо, эта тропа была свежей, и лесу ещё не надоело терпеть, что этим маршрутом раз за разом топчут его владения, поэтому здесь было всё ещё безопасно. Кроха ступал мягко, стараясь не ломать сухие ветки, не шуршать листвой, не тревожить покой огромного, молчаливого пространства. Он уже прилично отдалился от поляны, но вожаденных грибов всё не было. Неожиданно его кольнула мысль: ведьма знала, в какую сторону нужно идти, чтобы собрать много грибов. Она спе-

циально отправила его прямо, чтобы собрать полную корзину и завладеть им на целую неделю. Чем она заставит его заниматься? Череда отвратительных, липких мыслей захлестнула сознание Крохи, и на глазах выступили слёзы — от обиды, от бессилия, от страха перед неизвестностью. С досады он пнул камень и, проследив его траекторию, замер. Прямо на стволе дерева, под которым приземлился камень, росли грибы. Кроха моргнул пару раз, не веря своей удаче, — оранжевые шляпки оказались на месте. Улыбнувшись, он сделал шаг в сторону своей находки, но сразу остановился. — Спасибо, — прошептал он, поднял взгляд к кронам деревьев и некоторое время стоял неподвижно. Слабый порыв ветра всколыхнул листья, и те легонько зашуршали. Лес ответил. Кивнув, Кроха подошёл к грибам, достал из кармана складной нож и начал обдумывать, как лучше сделать срез. Выбрав самый мясистый экземпляр, он ткнул в него пальцем — и разочарованно цокнул языком: гриб оказался старым, сухим, почти трухлявым. Выбрав поменьше, он надавил на шляпку — та слегка пружинила, выделив несколько капель желтоватого сока с горьковатым травянистым запахом. Удовлетворённо кивнув, Кроха принялся аккуратно срезать внешнюю кромку шляпки, снимая тонкий слой мякоти. Затем повторил процедуру со следующим грибом, орудуя ножом с почти хирургической осторожностью — лишнее нельзя, каждое движение должно быть точным, иначе мякоть испортится. Разобравшись со всеми пригодными грибами,

он осмотрел остатки. Массивные, старые грибы были сухими, сморщенными, и казалось, готовы рассыпаться от малейшего прикосновения. Их он оставит лесу. Посмотрев в корзинку, он почувствовал, что у него появился шанс переиграть ведьму. Однако имеющейся мякоти было недостаточно — нужно было найти ещё грибов. Оглядевшись, он заметил, что метрах в десяти от него на стволе дерева маячит оранжевое пятно. Сегодня лес был на его стороне. Кроха ухмыльнулся и двинулся в сторону грибов, уже представляя лицо Сальмы, когда та увидит доверху забитую корзину. Ведьма всегда говорила, что лес способен дать тебе всё, что нужно для жизни, и сегодня он в этом убедился. Она также говорила, что у всего есть своя цена, но эти слова Кроха не запомнил — они вылетели из головы, как только он обрадовался находке. А может, он просто не хотел их запоминать, потому что цена всегда пугала его. Подойдя к дереву, он поставил корзинку на землю, достал из кармана нож и уже примерился к особо жирному грибу с ярко-оранжевой шляпкой, как вдруг услышал хруст. Кроха замер, так и не раскрыв складной нож. Хруст ветки в лесу был тревожным знаком. Возможно, это ведьма подкралась к нему и с досадой наблюдает за его удачей. Он пристально огляделся, но вокруг никого не было. Хруст повторился. Ветер слегка подул, колыхая листья, и по телу Крохи пробежали мурашки — от затылка до копчика, волоски на руках встали дыбом. Он был один. Никто не прятался рядом с ним, не хрустел ветками. Это

лес подавал ему знак. Звал его. Кроха вздрогнул, подобрал корзинку с грибами и, припомнив, с какой стороны раздался хруст, двинулся в том направлении. Он шёл медленно, стараясь не шуметь, но лес, казалось, сам вёл его. Время от времени впереди снова слышался хруст веток — короткий, отрывистый, похожий на чей-то щелчок пальцами. Ветер трепал края его расстегнутой рубашки, словно указывая, в какую сторону нужно свернуть.

Тропинка давно кончилась, но Кроха не сбивался — шёл туда, где трещали ветки, где колыхались листья, где сам воздух становился плотнее и тяжелее. Внезапно лес затих. Ветер стих, листья больше не шелестели, даже хруст прекратился. Кроха остановился, прислушиваясь. Тишина давила на уши, звенела в голове. Постояв несколько минут, он пожал плечами и обернувшись выронил корзинку. Грибы рассыпались по земле, но он не заметил этого. Пристально вслушиваясь в знаки леса, он прошёл между двух деревьев, не обратив на них внимания, и теперь стоял в ужасе от картины, которая открылась перед ним. К одному дереву был привязан молодой парень. Его одежда была залита чем-то красным, в области живота сквозь порванную майку виднелся глубокий порез — края раны потемнели, подсохли, вокруг расплылось бурое пятно. От ствола отходили странные наросты — бледные, студенистые, они пульсировали как вены и оплетали спину, шею и руки пленника так, словно дерево обхватило добычу и пыталось поскорее пропихнуть её

внутри себя. Кроха всматривался в увиденное, не в силах отвести взгляд. В ушах появился шепот — пугающий, шипящий, которого он не слышал уже много лет. Голос был чужим и в то же время пугающе знакомым, он полз под кожу, заставлял внутренности сжиматься. Кроха моргнул — и дневной лес, скудно освещаемый едва пробивающимися сквозь густую листву лучами, потемнел. На него смотрела женщина средних лет. Её руки были привязаны к стволу, лицо превратилось в сплошную гематому — сине-багровые пятна, запёкшаяся кровь, один глаз полностью заплыл, второй смотрел с такой болью, что у Крохи перехватило дыхание. Детали расплывались, словно он смотрел через мутное стекло, — он не мог разглядеть ни черт её лица, ни одежды, только этот ужас, эту неподвижность и тишину. — Не смотри, кроха... — слова женщины звучали едва разборчиво, челюсть, видимо, была сломана, и она шевелила губами с трудом, а изо рта сочилась кровь. Спереди не хватало большей части зубов. Из-за дерева появился взрослый мужчина, перепачканный в грязи. Его лицо скрывала маска из грязи и веток. Он произносил что-то неразборчивое нараспев, словно тренировал связки перед концертом, и в этом пении было что-то древнее, бессмысленное и жуткое. Дальнейшие события навсегда вгрызлись в память Крохи, нанося непоправимый ущерб его детской психике. Женщина просила не смотреть, но он не отвёл взгляд. Его память фиксировала каждое движение, каждый звук, каждую каплю крови, которая падала на землю и

впитывалась в мох. Слезы катились из глаз, сознание заполнилось странным шёпотом — он звенел в ушах, множился, шептал сотнями голосов, и Кроха начал с силой бить себя по лицу, пытаясь выгнать непрошенных гостей. Удары сыпались один за другим: по щекам, по лбу, по носу. Кровь потекла из разбитых губ, но шёпот не стихал. — Помоги... Едва различимый хрип вырвал Кроху из кошмара. Он уставился на второго парня, привязанного к соседнему дереву. Утерев кровь из разбитого носа, Кроха несколько раз с силой моргнул, пытаясь понять, не сон ли это. Парень попытался пошевелиться, и его лицо исказилось от боли — рот раскрылся в беззвучном крике, глаза закатились. Кроха уставился на незнакомца, не зная, что делать, и принял единственно верное, на его взгляд, решение. Истошный крик разорвал давящую тишину леса — тонкий, полный ужаса и отчаяния. Тот, кто наблюдал за всей этой ситуацией, тяжело вздохнул. Поднявшись он отряхнул прилипшую листву и медленно направился в глубь леса, скрываясь между стволами.

Ник открыл глаза и уставился в бревенчатый потолок. Несколько секунд он пытался понять, что именно видит перед собой — тёмные, грубо отёсанные брёвна, щели между ними, куда не пробивался свет, — и, осознав, что находится в незнакомом помещении, прикрыл веки. Тело отдавало ноющей болью — тяжёлой, глухой, словно кто-то долго и старательно утрамбовывал его мышцы свинцовым кулаком.

Но чем больше прояснялось сознание после сна, тем меньше ощущалась и сама боль: она таяла, растворялась, уступая место странной, почти пугающей лёгкости. Прележав так несколько минут, Ник не сразу осознал, что слышит равномерный стук — сухой, деревянный, настырный. Открыв глаза, он повернул голову к источнику звука. Возле небольшого стола, сложенного из обработанных веток, схваченных между собой сыромятной верёвкой, на импровизированном стуле сидел невысокий, плечистый мужчина. Столешница была неровной, щербатой, с тёмными пятнами — то ли от старости, то ли от пролитой жидкости. Мужчина методично, как метроном, бил ложкой по небольшой алюминиевой кружке, и каждый удар отдавался в тишине глухим, тоскливым звоном. Его лицо, заросшее густой, нечёсаной бородой, застыло в сосредоточенном выражении — он явно пытался ударить ложкой так, чтобы извлечь определённый звук, и, кажется, не замечал ничего вокруг. Заметив, что Ник пришёл в себя, мужчина резко поднялся — стул жалобно скрипнул, — выронил ложку, и та с металлическим звоном покатила по дощатому полу. Прежде чем парень успел что-либо сказать, он выбежал из помещения. Яркий свет из на мгновение открывшейся двери больно резанул Ника по глазам — он зажмурился, заслонился ладонью, перевернулся на бок. Почувствовав, что лежит на чём-то жёстком и холодном, Ник попытался осмотреться. Только сейчас он заметил, что абсолютно голый. По пояс его укрывало старое, не раз заштопан-

ное одеяло — серое, вытертое, с дырами, аккуратно затянутыми грубой ниткой. Сбросив его, он увидел плотно перебинтованное колено — повязка была чистой, но тугой, чуть пропитанной какой-то пахучей мазью. В остальном тело выглядело вполне нормально: никаких синяков или ссадин он не обнаружил. Даже порезы на спине, оставшиеся после того, как его волокли по земле, исчезли. Ник на мгновение решил, что все произошедшие события — просто дурной сон. Возможно, они попали в аварию потому, что Дейв выпил чуть больше, чем Ник помнил, и сейчас они находятся в каком-нибудь кемпинге, где о них позаботились равнодушные туристы. Дверь внезапно открылась, и в помещение вошла невысокая, стройная женщина. Её лицо было довольно привлекательным — гладкая кожа, правильные черты, живые глаза, — и даже выглядело молодым, лет на тридцать с небольшим. Но шея и руки выдавали истинный возраст: тонкая, сухая кожа с едва заметными морщинами, пигментными пятнами и чуть заметными прожилками вен. По прикидкам Ника, женщине было чуть за сорок, может, под пятьдесят. Она внимательно рассматривала его тело — профессионально, без смущения, как врач или тот, кто привык к человеческой наготы. Вспомнив, что он абсолютно голый, Ник дёрнул одеяло, прикрываясь. Женщина усмехнулась — коротко, беззлобно — и, подойдя ближе, продолжила осмотр. Ник разглядывал мужчину, который прятался у неё за спиной. Бородач, только что игравшийся с ложкой, был с жен-

щиной одного роста, поэтому слегка присел, втянул голову в плечи, и его голова лишь едва выглядывала из-за её плеча. Контраст широкоплечего, коренастого мужчины, прячущегося за спиной стройной женщины, выглядел почти комично — но смеяться Нику не хотелось. В воздухе висело что-то тяжёлое, давящее, и эта нелепая сцена только добавляла тревоги. — Как себя чувствуешь? — Женщина обладала на удивление приятным, низким голосом — мягким, но с металлическими нотками. — Что? — Ник не расслышал вопроса. Его мысли были заняты странным поведением мужчины, который таранился на него из-за плеча женщины, хлопая глазами.

— Тошнота, головная боль? Может, что-то болит в теле? — Тон женщины стал раздражённый, она говорила отчётливо, по слогам. — Я... Нет, кажется, всё нормально. — Ник невесело усмехнулся. — Не считая хренового сна. — В этом месте не снятся сны, — женщина дёрнула рукой, отпихивая от себя мужчину, который плотнее прижался к ней. — Да отстань же ты от меня! Ты же храбрец, Кроха! — Она тяжело вздохнула, потерла лоб рукой. — Иди и принеси воды. Лицо бородача — точнее, то, что было видно сквозь густую растительность — выразило абсолютную, почти детскую обиду. Губы надулись, брови съехались к переносице, глаза наполнились такой искренней, неуместной здесь обидой, что Нику на мгновение стало почти жаль его. Мужчина молча поплёлся исполнять указания и на выходе так хлопнул дверью,

что она, казалось, слетит с петель. Брёвна жалобно скрипнули. Женщина закатила глаза, снова повернулась к Нику. В её взгляде мелькнуло усталое, вековечное терпение — и что-то ещё, от чего у Ника по спине пробежал холодок.

— Что это сейчас было? — Ник пытался осмыслить увиденное. В голове не укладывалось, как этот коренастый, плечистый мужчина, мог прятаться за спиной женщины, словно напуганный ребёнок. Тишина в комнате сгустилась, и каждое слово повисало в воздухе тяжёлой, давящей каплей. — Не что, а кто. Его зовут Форестом, представь себе. — Женщина позволила себе лёгкую усмешку, которая в её исполнении выглядела довольно трогательно — уголки губ дрогнули, и на мгновение её лицо стало почти домашним, тёплым. Ник заметил эту теплоту во взгляде, когда она говорила о бородаче, и что-то кольнуло его под рёбра. — Но все зовут его Крохой, на своё имя он не откликается. — Вы зовёте огромного мужика Крохой? Забавно, конечно. — Ник попытался пошутить, разрядить обстановку, но его голос прозвучал слишком нервно, а в её глазах мгновенно вспыхнула злоба. — Не вздумай смеяться над ним! — Женщина приблизилась рывком, нагнулась и прошипела слова Нику прямо в лицо. От неё пахло дымом и сухими травами. — Крохой его звала мать, до того как умерла. Точнее — её убили. — Последние слова она произнесла почти будничным тоном, безжалостно наблюдая за реакцией парня. Её глаза не мигая следили за ним. — Вот как... — Ник замялся, его горло сжа-

лось. — Мне очень жаль. — Ага. — Женщина выпрямилась, прошла по комнате, и её шаги — лёгкие, почти неслышные — отдавались в тишине глухими толчками. Она подошла к столу, нахмурилась, разглядывая щербатую столешницу, затем перевела взгляд на пол, нашла взглядом валяющуюся ложку и снова закатила глаза. Как бы невзначай, почти лениво, она спросила: — Ты, значит, из внешнего мира? — Я не совсем понимаю, что значит «внешний мир»... — Ник оглядывал помещение в поисках своей одежды и увидел её аккуратно сложенной возле входной двери: штаны, рубашка, ботинки — всё лежало стопкой, дожидаясь его. — А мы сейчас тогда где? — Мы в лесу. — Женщина подняла ложку, протёрла её о свою майку, поднесла к лицу, пытаясь разглядеть отражение в мутном алюминии. — Я видела, что с тобой случилось. Твоему другу повезло меньше, хотя это как посмотреть. Поэтому давай так: ты расскажешь, как именно ты сюда попал, а я немного расскажу тебе об этом месте. Немного подумав, Ник кивнул. Он начал рассказ ещё с того момента, как компания друзей собралась в одной машине и выехала из Сиэтла. Его голос звучал глухо, слова выходили с трудом, будто каждое из них приходилось вытаскивать из липкой, тягучей пучины. Он старался не упускать ни одной детали, максимально придирчиво воспроизводя всю поездку — разговоры в салоне, спор с Дейвом, выпитое пиво, полицейских на трассе, — и заканчивая моментом, когда его привязали к дереву. Женщина слушала молча, не перебивая

и не задавая вопросов. Её лицо оставалось непроницаемым, только в момент рассказа о ритуале возле дерева она скривилась, словно откусила приличный кусок лимона. — И зачем же ты сюда попал? — спросила женщина, и Ник понял, что вопрос был риторическим, обращённым не к нему, а к самой себе. — Сюда уже давно не попадали люди из внешнего мира. — Твоя очередь, — Ник хотел знать, что происходит, и его голос дрогнул от нетерпения. — Ты обещала всё объяснить. — Боюсь, объяснить всё у меня не получится. — Женщина присела на импровизированный стул, и дерево под ней жалобно скрипнуло. — Но кое-что я тебе расскажу. — Она замолчала, собираясь с мыслями, и каждую секунду её молчания Ник ощущал как удар по вискам. — Ты сейчас находишься в Темнолесье. Так мы называем область, в которой живём. Когда я говорю «мы», я имею в виду тех, кто живёт в нашей общине. У городских своё представление на этот счёт. Рокмаунт находится далеко отсюда — идти около четырёх часов, — там тебе объяснят больше. — Идти? Вы меня выгоняете? — Ник почувствовал, как внутри закипает глухая, беспомощная злоба. — Среди нас тебе нет места. Лес не принял тебя. — Тон женщины не допускал возражений. Она не кричала и не ругалась — говорила ровно, жёстко, как сталь, которую не согнуть. В её словах не было ни злобы, ни сочувствия, только абсолютная уверенность в своей правоте. — Что это значит? — Ник уже не надеялся на внятный ответ, но всё равно спросил. Всё происходящее напоминало

безумный сон, из которого он никак не мог проснуться. — Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, что это означает. — Женщина встала, и стул снова скрипнул — протяжно, жалобно. — Если лес примет тебя, примем и мы. Ты можешь приходить сюда, если захочешь, но жить среди нас ты не будешь. — Я... Я ничего не понимаю! — Ник встал, обернувшись одеялом, и к его удивлению перебинтованное колено не болело. Оно ныло глухо, но держало. — Ты ничего не объяснила! — В Рокмаунте тебе всё расскажут. — Женщина говорила с такой окончательностью, будто закрывала дверь перед носом. — Мы дадим тебе воды и еды. Твои раны зажили, а те, что ещё остались, не представляют угрозы. Наши обязательства выполнены. — Она выделила интонацией последнее предложение. — Одевайся и... — она перевела взгляд на дверь и в который раз закатила глаза — с видом человека, который уже тысячу раз повторял одно и то же и знает, что повторит снова. Она бесшумно подошла к двери, открыла её — и в комнату ввалился Кроха. Он явно подслушивал, прижавшись ухом к щели, и не ожидал такого поворота. Его лицо, и без того перекошенное обидой, вытянулось ещё больше, а в глазах мелькнул тот самый детский испуг, который так не вязался с его коренастой фигурой. Женщина не закричала — её голос стал тихим, почти шипящим, и в этом шипении слышалось вековечное терпение, которому пришёл конец. Она со вкусом выругала его — такой витиеватой, изощренной бранью, что Ник вжался в лежанку, перечисляя все

его прегрешения, начиная с утреннего и заканчивая тем, как он вчера не закрыл за собой дверь. Кроха молча стоял, пону- рив голову, и слушал. По его одежде стекала вода, которую он расплескал из ведра в момент падения — тёмные пятна расплзались по ткани, капали на пол, образуя мокрую до- рожку. Вздохнув, женщина замолчала, подняла ведро, ука- зала бородачу на одежду Ника и, не сказав больше ни слова, вышла на улицу.

Кроха аккуратно поднял стопку одежды — старые джин- сы, носки, цветастая рубашка — и принялся разглядывать каждую вещь с таким видом, будто видел такое впервые. Он мял ткань пальцами, подносил к лицу, принюхивался, вер- тел пуговицы — одежда внешнего мира казалась ему стран- ной, почти инопланетной. Потом, вздохнув, передал её Ни- ку. Одеваясь, Ник косился на бородача, который с нескры- ваемым интересом следил за каждым его движением — как он натягивает штаны, застёгивает ремень, поправляет ворот- ник. В голове парня созрел план: этот глуповатый громила мог выдать больше информации или, возможно, помочь уго- ворить женщину дать ему приют. — Похоже, эта женщина тут главная? — спросил Ник как можно небрежнее, стара- ясь, чтобы голос звучал дружелюбно. — Сальма не злая, хотя часто ругается. — Кроха посмотрел в сторону двери, и в его голосе послышалась какая-то обречённая нежность. — Мно- гие считают её ведьмой, я слышал, как остальные обсужда- ют её. Лес её принял, и её боятся, но она не плохая. Хоть

иногда и бьёт меня. — Она тебя бьёт? — Ник опешил. — И больно! — Кроха с готовностью потер затылок, и в этом жесте было столько детской непосредственности и обиды, что Ник на мгновение растерялся. — Она постоянно бьёт меня по голове, когда я о чём-то задумаюсь. Она строгая, — подвёл итог бородач. — Слушай... Ты вроде парень неплохой — Ник приободрился, решив давить на жалость. — Может, ты сможешь её уговорить позволить мне остаться? Но Кроха вдруг выпрямился, и его лицо, заросшее бородой, стало почти торжественным. Он отчеканил каждое слово, как всем известную истину, которую не оспаривают: — Правила для всех едины. Сальма сказала: лес не принял тебя. Ты должен уйти. Если ты останешься с нами — он нервно сглотнул, — лес это не одобрит. — Да что это вообще значит? — Ник вспылил, не заметив, как нахмурился Кроха. — Просто поговори с ней, я не опасен для вас! Кроха подошёл к нему и положил руку на плечо, сильно стиснув. Под тяжестью его ладони Ник невольно просел — кости, казалось, закрипели, — и наконец заметил выражение лица бородача. В его глазах не было ни злобы, ни страха — только холодная, непоколебимая уверенность. — Сальма знает лес. Она знает правила. Ты должен уйти, — повторил Кроха, и его ладонь чуть сильнее сжала плечо. Нику показалось, что его зажали в железных тисках. — Ладно, я понял, — Ник вырвался из хватки, отступил на шаг. — Но что мне делать? — Тебе нужно идти в город. — В голосе Крохи прозвуча-

ла жалость — он явно был задет той обречённостью, с которой Ник задал последний вопрос. Эта жалость была искренней и от неё стало ещё хуже. Когда Ник оделся, Кроха подошёл к двери и жестом позвал следовать за ним. Выйдя, парень задержался на пороге: глаза привыкали к солнечному свету после полумрака деревянного домика. Он огляделся. Деревянный дом, в котором он находился, был единственным полноценным строением — грубо срубленным, законопаченным мхом, с плоской крышей, покрытой дёрном. Вокруг него теснились самодельные палатки из брезента и полиэтилена, шалаши из жердей, укрытые лапником, и даже землянки с низкими входами. Между деревьями были натянуты тонкие верёвки, на которых сушились вещи — многократно заштопанные, с заплатами, выцветшие до невозможности. В воздухе витал запах дыма, прелой листвы и какой-то кислой травы, въевшейся в каждую тряпку. Вокруг неспешно сновали люди. Одни чинили снасти, другие таскали воду, третьи сидели на корточках у костров. Некоторые из них удостоивали Ника секундным взглядом — равнодушным, почти сонным, — и сразу же возвращались к своим делам, не проявляя никакого интереса. Кроха дёрнул парня за рукав, привлекая внимание, и они двинулись через импровизированный лагерь в сторону необжитого леса. Бородач шёл молча, его шаг был размеренным, мягким, почти неслышным — он ступал так, будто земля не чувствовала его веса. Ник же, идя следом, производил куда больше шума: ветки хрустели под

его ботинками, сухая листва шуршала, и каждый его шаг казался оплошностью.

Наконец, у деревьев показалась Сальма. Подойдя к ней, Ник увидел сумку, которая висела у неё на плече — потёртый рюкзак, зашитый в нескольких местах грубой ниткой. Женщина молча сняла её и передала парню. — Пойдёшь по этой тропе, следуй чётко по ней, никуда не сворачивая. — Она указала на участок притоптанной земли, где трава была примята, а земля утрамбована. — До темноты успеешь дойти до города. — Она скептически осмотрела его ногу. — Как твоё колено? — Нормально, — буркнул Ник, заглядывая в сумку. Там лежала фляга с водой, сушёные грибы, какая-то запечатанная банка без этикетки и на дне — небольшой складной нож. — Мне жаль, что всё происходит вот так, но — Сальма слегка замялась, потеряв переносицу. — Есть правила, которые мы должны соблюдать, если хотим выжить. Ты тоже со временем поймёшь их. — Это напутствие в дорогу? — невесело усмехнулся Ник. — Нет. — Женщина посмотрела на Кроху, который сосредоточенно выводил носком сапога что-то на земле. — Хочешь понять больше? Это может сделать каждый, но недостаточно лишь слышать — нужно уметь слушать. — Она кивнула на бородача. — Вот это напутствие. — Очень понятно, — Ник скривился. — Лучше бы тебе и правда понять, — сказала Сальма, и в её голосе прозвучала такая непоколебимая серьёзность, что у Ника мурашки побежали по спине. Она подошла к Крохе,

взяла его за руку и потащила за собой в сторону поселения, оставляя Ника одного. Парень хмуро смотрел им вслед, пока фигуры не затерялись между стволами деревьев. Опустив взгляд, он увидел рисунок бородача — неровное, но узнаваемое солнце, выведенное носком на влажной земле. Ник развернулся в противоположную сторону, глубоко вздохнул и осмотрелся. Лес окружал его со всех сторон. И он был абсолютно, неестественно мёртв. Ни шороха зверей, ни стрекота насекомых, ни пения птиц — только давящая, звенящая тишина, от которой закладывало уши. Деревья стояли неподвижно, как часовые, и казалось, что они наблюдают. Вспомнив шевелящийся корень на дне оврага, Ник вздрогнул. Он огляделся — по сторонам, назад, вверх — но не увидел ничего странного. Постоял ещё немного, прислушиваясь к собственному дыханию, и наконец двинулся в путь, стараясь ступать как можно тише, но всё равно поднимая шум, который в этой тишине казался оскорбительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.